

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ

РЯГУЗОВА Людмила Николаевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
истории русской литературы, теории литературы и критики
Кубанского государственного университета

Lyudmila N. RYAGUZOVA

Dr. Sci. (General Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics), Prof.,
Department of the History of Russian Literature, Literary Theory and
Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia

r-margo79@mail.ru

«По стечению обстоятельств еще пока жив»: фронтовые письма В. А. Михельсона

В статье впервые публикуются фронтовые письма участника Великой Отечественной войны, филолога, профессора Кубанского государственного университета Всеволода Альбертовича Михельсона.

Ключевые слова: В. А. Михельсон, война, фронт, землянка, военный переводчик, группа ближней разведки средствами связи.

Всеволод Альбертович Михельсон (31 марта 1911 – 20 января 1997) родился в Варшаве, которая до революции входила в состав России. В 1927 г. окончил в Краснодаре среднюю школу № 7; в 1930-м – литературно-лингвистическое отделение Краснодарского пединститута; в 1934 г. – аспирантуру при Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина. Совсем недолго (один учебный год) работал в Кировском педагогическом институте. А с 1935 г. его жизнь неразрывно связана с Краснодарским пединститутом (ныне Кубанский государственный университет),

«...Still Alive by Coincidence»: Vsevolod A. Mikhelson's Letters from the Front

The article contains the first publication of some letters written in 1942–1945 by Vsevolod A. Michelson, a philologist and professor of Kuban State University who was a prominent figure of science and education.

Keywords: Vsevolod A. Mikhelson, war, front, military translator, dugout, the group of close communication intelligence.

где он более сорока лет заведовал кафедрой русской литературы.

В июне 1942 г. В. А. Михельсон успешно защитил в Одесском государственном университете, эвакуированном в Майкоп, кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы лирики Лермонтова». Враг уже стоял у ворот Кубани, и молодой педагог уходит на фронт. Командование направляет его на курсы младших лейтенантов, а затем в Военный институт иностранных языков. По окончании его он служил военным переводчиком в 16 гвардейской воздушно-десантной бригаде. В ее

составе Всеволод Альбертович воевал на Карельском фронте, форсировал реку Свирь, за что в августе 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды. С января 1945 по апрель 1945 г. участвовал в боях под Бреслау (Броцлав). В октябре 1945 г. вернулся к преподавательской работе в Краснодарском педагогическом институте, со временем получил профессорское звание, защитил докторскую диссертацию, воспитал десятки достойных учеников.

В. А. Михельсон – автор более 90 научных трудов, свидетельствующих о незаурядной и разносторонней эрудиции автора. Среди них книги и монографии – «А. П. Чехов» [2], «"Путешествие" в русской литературе» [5], «Гуманизм Гончарова и колониальный вопрос» [3].

К 100-летию со дня рождения выдающегося кубанского ученого в 2011 г. в Литературном музее Кубани и Кубанском государственном университете состоялись юбилейные мероприятия, была издана подготовленная его учениками коллективная монография, посвященная памяти Учителя [1].

В год 70-летия Великой Победы уместно вспомнить боевой путь ученого. Если опубли-

ковать все письма В. А. Михельсона с фронта в хронологии, получится лирический дневник военных лет, где война ярко предстает в отраженном отблеске личных переживаний. В них, через бытовые подробности, детали показан драматизм эпохи и судеб.

Для публикации в данной статье мы отобрали лишь некоторые письма. До настоящего времени их бесконечно перечитывала только его жена Л. П. Иванова.

Дочь, жена и мать – три главные женщины в жизни ученого. «Моя добрая, смешная мать, – писал В. А. об оставленной в оккупации матери, – попросил ее сохранить рукопись диссертации о Лермонтове, так она спит с ней, чтобы на случай бомбёжки успеть вынести». Мать умерла в 1944 г., увидеться им уже не пришлось. Подвижная, «хлопотливая», она в оккупации совсем «сдалась» («проклятые фашисты!»). В разлуке В. А. рад любому известию о близких («слава богу, живы, библиотека жива»). Все приведенные письма, рисующие эпизоды его жизни на Кавказе, Карелии, Москве и Германии, адресованы жене в город Киров. В них слышны живой голос и неповторимая, характерная интонация В. А. Михельсона.

* * *

6 октября 1942 г. Письмо В. А. адресовано матери Лидии Петровне: «Дорогая Мария Васильевна! Вторично пишу вам в надежде найти следы Лидочки, которая должна была вам написать. Лидочка самая большая моя привязанность, самое дорогое в моей жизни. Только бы выбралась она из военной суматохи и добралась до вас... Лидочка вышла из Краснодара пешком в первых числах августа, дней за пять до падения города, с эшелоном нашего института, с ними были четыре подводы, человек 25 шло самих научных работников, многие из них очень милые люди, среди них сотрудник нашей кафедры И. И. Кравченко, его жена и сын, Богданович с дочкой и женой и ряд других. Не все из ушедших внушают мне доверие, многие из них были собутыльниками тех сволочей, которые впоследствии остались у немцев. Мать и сестра двинуться не смогли. Старуха в последние дни была уже совершенно на себя не похожа. Наверное, я уже их потерял. Надеюсь, что я и вы сохраним самое

для нас ценное – Лидочку. Она шла по маршруту: Сочи – Сухуми – Тбилиси – Баку. Если она спокойно дошла до Туапсе, значит, она дошла благополучно. Я от Краснодара сохранил ключ от комнаты, носовой платок и пару носков, больше ничего у меня нет, ни одной Лидочкиной карточки. Прошу Вас пришлите парочку Лидиных фото. Может быть, не так далеко то время, когда мы выбьем румынско-немецкую сволочь из родного города и родной земли. Может, еще суждено нам быть счастливыми, а если не нам, то другим нашим людям на нашей земле. А пока надо много и много для этого сделать. Ув. Вас Михельсон (подпись). 6.10.42.»

(Без даты, 1942 г.). «Дорогие мои Лидочка и Мария Васильевна! Целую мою дорогую девочку, отчаянную путешественницу... за жизнь которой я очень и очень опасался. Молодец, Лидка! Дай Лапу. Вынесла все трудности и добралась до пристани. Когда вы ушли, мне стало известно о десантах в Белореченской и Армавире, а вы приняли именно этот маршрут. Как я себя ругал, что не настоял на маршруте на Горячий Ключ. Я начал наводить справки, написал в Сочи, в «Большевик», секретарю редакции, он мне ответил «нет», группы П. И. в Сочи не было, и в Крайисполкоме ничего не знают... а теперь я спокоен и счастлив. От сердца отлегло. Мало надежды, что наши выживут в Краснодаре, но пока хочу надеяться. Коша, пришли мне обязательно свою фотокарточку, так как у меня вытянули бумажник и я лишился всех документов и твоей мордочки... Я два месяца провел в окопах на передовой и получил повышение, стал писарем штаба батальона в «уважение» к моей квалификации. Теперь живу в блиндаже от передовой на 800 (?) метров. Я узнал все: румынскую «музыку» и ночь под дождем, и день под дождем, без костров и снова такая ночь, и снова, и представь себе, никакого гриппа. Здоров, как вол. Когда-то увидимся? Но смотри, если ты найдешь своих старых кавалеров или вообще какую-нибудь тыловую крысу, то смотри, я теперь увешан гранами и автоматами, и эту тыловую крысу застрелю и вообще могу в Кирове наделать много шума. Без шуток, тем, кто мать и сестру выдал, вернувшись в Краснодар, весь двор перестреляю, как

собак. Отношение ко мне со стороны начштаба, бойцов очень хорошее...».

16 декабря 1942 г. «Родненькая Лидочка! Целую и жму лапу! Получил твои письма, напиши скорее, как шла, как миновали прифронтовую полосу, как ехалось дальше, как тебя там обокрали? Как с теплым пальто? Я еще в Краснодаре очень волновался о твоей судьбе. Под Армавиром развернулись десантные операции, ну думаю, попадут под десант. В городе многие сволочи, а институт оказался притоном подлых изменников, распускали тревожные слухи, например, что на вас напало стадо эвакуированных быков, Кириенко убит, лошади убиты, а судьба остальных неизвестна, или что Флюстикова кому-то прислала письмо, что вы возвращаетесь и т.д. Но вот все в порядке, и я счастлив. Как я живу? Вот сейчас ночь, я сижу в блиндаже и пишу тебе письмо, как видишь, чернилом, все оборудовано, как часы. Повар рассказывает о службе в царской армии, два старших лейтенанта слушают его, матерясь от восхищения в наиболее интересных местах, телефонист кричит: «Байкал, Байкал, Юпитер, не мешайте!». А я под румынскую музыку пишу письмо. «Скрипачи», «мамалыжники» называют бойцы румын. А один командир роты в донесении так и написал: «Убито 13 сопливых». День и ночь уже привычный оркестр: громыхают Катюши, рявкают немецкие четырехствольные «Ванюши», бухают минометы и прочие инструменты. А ночью иллюминация, всю ночь ракеты, трасирующие пули, как в горсаду «Море огня». В общем весело и сердито. А письмо преспокойно пишется. Я сейчас работаю агитатором, хожу по землянкам и блиндажам, дот'ам и дзот'ам, веду беседы с бойцами, большей частью не на литературные, а на политические темы. Бойцам нравится. Непосредственно на передовой сейчас не нахожусь, но живу очень близко и бываю ежедневно. Любаша осталась в Краснодаре. Ника проектировала ехать с ней в одну из близлежащих горных станиц и была права, немцев туда не впустили, но выехать им не пришлось. Лаптевы, Руфины, Очереты остались у немцев, Бескровный, очевидно, дезертировал после призыва. По крайней мере, Варвара его ждала. Мать их... Мы им еще припомним. (Перехожу на трофейную открытку.)

Недавно ребята разбили немецкий блиндаж. Убили матерого немчуру, офицера, судя по фото: помесь совы, шакала и крокодила. Забрали оружие, сигареты и шоколад, ром, бумагу и открытки, и одеколон, бритвы и пр. На днях поймали «языка», румына. Говорит по-русски. Я ему говорю: «Скоро Бухарест капут!». «Да, да, – отвечает, – ой, ой, румын, гайда Бухарест, капут, капут». Всякие дела поглощают внимание и время. Обстановка боевая. Но в минуты отдыха засосет и вспоминается совсем другое: недавнее милое прошлое. Я прихожу домой, ты меня узнаешь по походке и высовываешь свою милую головку в дверь. На столом горит лампа, в комнате приятно, кипит наш чайничек, стоит твой королевски приготовленный жареный лук, мы идем по темно-темной улице за сушками и вообще на добычу. Лежат мои горы книг. Все пропало, все надо начинать заново, если живы останемся. Но это наживем, станем старше, закаленее, опытнее, умнее, хлебнем горя и будем лучше чувствовать счастье, узнаем одиночество и будем больше ценить друг друга. Отдадим много сил своей стране и народу и научимся еще ревностнее служить родине. Целую, мою дорогую, бесценную девочку, жду письма, фото. Севка. 16.12.42.»

23 декабря 1942 г. «Здесь в землянке, над которой всю ночь шумят дубы, гудят и стонут от норд-оста, а их заглушает бессменный оркестр пулеметов всех калибров, минометов всех калибров, автоматов и прочего музыкального инструмента, сижу я и строчу тебе письмо. Пишу моей Коше часто и много, как выдается свободная минутка... Твои мильные письма приносят много радости, бодрости... семенного, уютного, мирного, прошлого и будущего, во что я твердо верю. Смерть леет над нашей головой и бродит за нами по пятам. Может быть, она, эта привезенная к нам фашистами старуха и звезданет меня миной или пулей румынского автомата. Но эта смерть грозная и сверкающая металлом смотрит с мушки советского... (не разборчиво). Разной немецко-румынско-кубанской падали и дохлятины иностранной валяется вокруг в достаточном количестве. У немцев на поясах, на бляхах написано «С нами бог», а с нами Родина, любовь, добрые пожелания всех близких и всего народа, а со мной твоя драгоценная,

трижды дорогая любовь. В новой обстановке я прижился, привык, все это стало своим, родным, тем, что заменяет дом, семью, таким дорогим и близким. Я в прекрасных отношениях с бойцами, и уже знаком весь полк. Куда ни придешь, всюду знакомые. Живу себе по-живу, воюю, сколько сил имею. И не намерен плакаться... Бойцы любят мои беседы и с удовольствием слушают. Проводил беседы на темы: «Наша уверенность в победе», «Европа под игом Гитлера»... Беседа в 300 метрах от кукурузных румынских вояк и мышиных немецких мундиров, это новая форма лекций, к которой я уже привык. Румынско-немецкой дохлятины насмотрелся я вдоволь и приятно смотреть, хотя, ты знаешь, я человек не кровожадный, одному на днях отстрелили яйца, так и помре без яиц, его румынская мадам, карточки которой у него были, может купить себе теперь пару яиц на базаре, если Гитлер не все яйца из Румынии вывез. А от одного осталось 1,5 кило кукурузных мозгов, а брюхо и прочие внутренности друзья утащили. Румын без мозгов теперь стоит и скучает. Ну, довольно о кукурузных яйцах и мозгах. ...Спасибо за посыпку, хоть не получил еще, но предвкушаю. Там еще одному старшему лейтенанту идет. Мы с ним обдумываем общий банкет. До свидания (подпись). 23.12.42.»

13 февраля 1943 г. «Дорогая Коша и уважаемая Мария Васильевна! Поздравляю вас со взятием нашими доблестными войсками Краснодара. Минуты, когда я услышал это известие, были счастливейшими минутами моей жизни. Ночью мы давали салют в честь войск, ворвавшихся в Краснодар. Все гремело. Я немедля написал письмо нашим. Как-то они? Живы ли? Что-то мое сердце чует беду. Второе письмо я написал в учреждение, которое находилось на Пролетарской, о некоторых наших знакомых и их делах. Пусть, если они не бежали с немцем, – понесут должную кару. А то, пожалуй, начнут маневрировать, изображать из себя пострадавшую интеллигенцию. Клясться в верности советской власти и т. д. Им, в особенности этой проститутке Очертуту, не привыкать стать. Пока не предавай это широкой гласности. Не пиши Бронштейнам и другим. Но факт именно таков. Старик Рахинский оказался честнее и дальновиднее

политикана Очерета и надутого кандидата кулацких наук Бескровного, который, вообще говоря, был глуп, как чурбан и сивый мерин, а хитер, как сто змей. Но они, как «фюрер-балда», которому они стали поклоняться, не могли оценить сил и любви к родине Советского народа, потому что они своими гнилыми сердцами не любили, а ненавидели ее и народ. Повторяю. Старика, которого они изображали преглуповатым и над которым иронизировали, оказался умнее и честнее их. А за помошь тебе ему большое спасибо. Жаль, что нет его адреса. В Адлере он бы не продержался, работать негде и шамать также нечего. Я должен был ехать учиться. И я решил учиться воевать так воевать. Хотя мне говорили, что не отпустят из армии после войны, что мне это не выгодно. Но, во-первых, надо дожить до «после войны», а это проблема немалая, а, во-вторых, я думаю после войны переведут в запас, а, в-третьих, если не отпустят, то буду выгодным мужем, помнишь, «и золотой мешок и метит в генералы». Однако, поскольку сейчас горячее время настало, страдная военная пора, то, думаю, и не пошлют, так как некогда. Мы сейчас все поем песенку «Землянка», она подходит к нашей обстановке и жисти. Знаешь ли ты ее: «Вьется в дымной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза, и поет мне тихонько гармонь про улыбку твою и глаза». И дальше в этом роде: «До тебя мне дойти не легко, а до смерти четыре шага». Грустная и хорошая песня. Тебя, мой светик, тысячу раз целую. Масла и меда не получил, да, наверно, не получу. Они где-нибудь утрусились и уснули. Напрасно выслала. Я уж раз тебя за это ругал. Ругаю вторично. Получила ли ты деньги? Фото получил оба. Благодарю. Ты мне доставила много радости. Желаю всего лучшего. Сева. 13.02.43.»

9 апреля 1943 г. «Родная моя Коша! Вторично посылаю тебе свой полевой адрес: полевая почта 2677 / с. По этому адресу я буду проживать еще два месяца. Вот уже два месяца я от тебя не вижу ни строчки. Все, что приходило на старую службу, на полк, очевидно, уже не придет и потеряно для меня. Поэтому при получении этого письма, пиши ежедневно, письмо идет месяц, и твои несколько писем поймают меня по этому адресу. Есть у меня слабые шансы попасть на работу в газету, если

это случится, я буду очень счастлив. Вчера был у Анны Сергеевны Солдатовой, она на днях из Краснодара, видела наших, мать выглядит прекрасно, Лия работает. При варварском нашествии Лия ходила по станицам, меняла (*не разборчиво*) на вещи, кое-как перебились. Сейчас, хоть хлеба по карточкам не дают, как-то живут. Все в нашей хате в целости и чистоте. Я написал, чтобы если нужно, продавали книги, вещи. Война еще не кончена, не все бомбы упали на Краснодар, беречь и копить сейчас нечего, надо жить. Напиши маме и мне также. Старухе надо быть подальше от войны. Ну еще, что Люба Беленькая очень страдала, боялась за дочь Ефима: Муся пошла по немецким рукам. Тамара Шишман остервилась до того, что удрала с немцами. ...Красная выжжена, почти сплошь сожжены Дворец пионеров, ДК Прага, театры. Сохранился Крайком партии и наша хата. Нами овладела страсть к путешествиям. Из того места, где я защищал диссертацию, плетемся все дальше и дальше. Скоро стану либо офицером, либо рядовым, но в газете, предположительно последнее. Поживем, увидим, что оно будет. Досадно, где-то шла твоя карточка, посылка, которую вы собрали, конечно, с огромным трудом, лишая себя необходимого, и все пропало. Когда говоришь об этом, у нас отвечают: «Война!». Война все объясняет, все оправдывает, все разрешает. Целую тебя. Пиши. Лида, если сумеешь быстро, вышли мне 200 рублей» (9.04.43).

«Милая моя, родная Лидуша! Вот уже полтора месяца и получаю от тебя ни одного письма. Как изменился мой адрес, я чувствовал себя отрезанным от мира, отверженным, ни от кого ни звука. Хотя я послал тысячи писем тебе, маме, Каплан, Шишманам и т.д. Но все ответствуют мне молчанием. Когда я уходил из полка, я отдал почтарю свой планшет, который был бы мне сейчас очень нужен, за то, чтобы он мне переслал твои письма, но он ни черта не пересыпает. А может быть, не пишешь мне больше? Пиши, голубок. Кто знает, сколько мне положено пожить на белом свете после того, как я стану командиром? А как я был счастлив, когда получал частичку твоих дум, минутку твоего времени, листок, которого касались твои руки. Я сейчас там, где защищал диссертацию. 14 часов работаю, никого не

вижу. В первый день прибытия встретил жену Очерета, от нее узнал, что мама и Лиля живы. Живут в наше квартире, и все наши вещи, и моя библиотека сохранились. Я был на 7 небе от счастья. Но писем от них нет. Я ей особенно не доверяю. Эти псы Бескровный, ... Иванов – ... историк... редактировали краевую (!!) газету у немцев. А Очерет тебе писал стишкы. Вот воплощенные коварство и любовь. Все они бежали. Имущество Бескровного конфисковали. Милая Коша, нельзя ли устроить, чтоб маме к вам до конца войны перебраться, подумай и напиши мне срочно. Старухе надо больше спокойствия. У меня есть хорошие возможности, но вряд ли что выйдет. Последнее время мне не везет. Институт работает. Постылки твоей не получил. Твой Сева (без даты).

12 декабря 1943 г. «Круглик прислала очень хорошее письмо. Для меня очень дорого отношение студентов, о котором Л. Я. пишет».

5 июня 1944 г. (?) «Нам выпала честь опустить с громом занавес этого страшного спектакля, который начался в 1941, а, как ты чувствуешь, уже начался последний акт, и наиболее нетерпеливые зрители уже думают, как бы вскочить в трамвай, идущий домой, но а наша задача оставаться до конца. Наши солдаты все поголовно изучают элементы немецкого языка (разговор с мирным жителем), приходится с этим много возиться. У нас в землянке живет заяц».

12 июня 1944 г. «Привет с фронта, как пишут наши солдаты. Бить будем финнов иставить их на колени. Как всегда, специальность моя оказалась ни при чем, и я буду бить финнов не по своей специальности. Кроме финнов здесь еще два врага: бешеные комары, в борьбе с которыми я непременно проливаю кровь. И болота. Иногда думаю: вот убьют, а Лидка как же, и так не хочется умирать и кому-нибудь тебя отдавать. Ну, это сентиментальности. Маме о том, что я на фронте, не написал. Места здесь красивые: леса, леса, леса, озера. Когда услышишь по радио приказ войскам Карельского фронта, знай, это относится и ко мне. 12.06.44».

3 июля 1944 г. «Не знаю, скоро ли ты получишь это письмо, но знаю, что мне долго, долго не получить твоих писем, а ты еще, как назло, в последние дни так редко писала.

Ведь, правда, ты поступала нехорошо? Только что «форсировали», как у нас говорят, озеро, одно из 30 тысяч озер, которые бог рассказал по всей Карелии, не зная чувства меры. Вот, если твой муж проживет войну, то мы съездим с тобой сюда, в зеленую красавицу Карелию, за которую, право, стоит воевать. На Кавказе есть Рица, и все таскаются туда поглазеть, насорить яичной скорлупой и консервной жестью, а здесь налево плунешь – «Рица», направо плунешь – «Рица»... Я хожу

да похваляю синие озера, зеленые леса, а комбат, которому нужно протащить здесь обоз или 45 мм. пушки, матерится. И никто со мной не соглашается, что Карелия все-таки красивая женщина. Подходим к финской границе, бои становятся все ожесточеннее. «Что день грядущий мне готовит?» Кто его знает, но живем – не тужим. Вот сейчас лежу я на пузе под сосной... Есть у меня мальчик такой Яковлев, мой кормилец, поилец и ангел-хранитель, принес мне котелок каши гвардейской с салом. Бой, как весенний дождь, от-

гримел и стих, мы собираемся сразиться в дурака. Между прочим, в ночь перед переворотом меня 13 раз оставили в дураках, и я решил, что ты меня все-таки любишь. Пиши чаще маме, восполняй мои письма. Мне еще войны хлебать не перехлебать, я подыскиваю ложку побольше. А я б на твоем месте съездил в Краснодар посмотреть, арбузов покушать. Мне, кроме матери, никто из института не пишет, сволочи. Нет ли чего от Кравченко? Тиши, болотца, устал, надо поспать. Твой Сева. 3.7.44.»

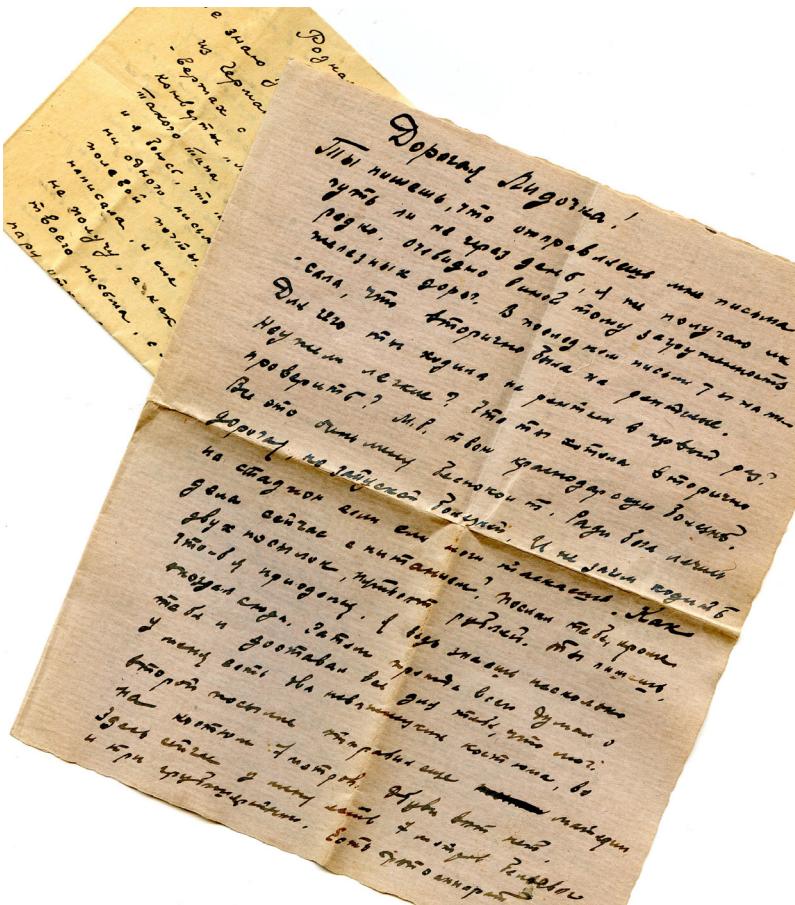
* * *

Письма с фронта открывают малоизвестную страницу биографии В. А. Михельсона. В них выражены его любовь к жизни, лиризм, благородство души, иногда чисто филологический взгляд на вещи. В Карелии В. А. читает Лермонтова наизусть. Просит прислать бандеролью книжечку стихов Пушкина, Лермонтова («в этом лесу нет ни одной печатной строчки»). Удивительно, что почта вообще работает исправно, хотя не так синхронно идет переписка. Более дисциплини-

рованные и нетерпеливые в этой процедуре бойцы. В.А. пишет из Карелии жене:

6 августа 1944 г. «Письма доходят плохо, отвечать поздно. Это все равно, что вести разговор так: собеседник сказал фразу, ты послушала, промолчала, а завтра пришла и ответила. Ни хрена из такого разговора не получится. Отвечать немедленно, тогда письмо живое, как отрывок разговора, тогда письмо с душой. И кроме того, писать по собственной инициативе. Скоро увижу новые картины, новые поля, может быть, будет веселее, чем в болотах, которые уже порядком надоели. Заболел дизентерией, переношу на ногах, уже выздоравливаю. Глушу сульфидин, но она мне все равно «дает жизни», как здесь говорят...» (06. 8. 44). (В.А. переболел дизентерией, малярией, брюшным тифом: «Со мной произошел загиб крупный: брюшной тиф, завтра волокут в больницу. Сейчас т. 39 и выше. Писать мне там запретят (15.12.44)»).

23 июня 1944 г. Карелия. «Многоуважаемая Лидия Петровна! Привет, Лидок! Сижу в финском блиндаже, на финской бумаге, финским карандашом пишу в родную Россию

дорогой моей русской женщине письмо. Знаешь, сейчас на фронте большой популярностью пользуется песенка «Огонек». Она очень хороша. У каждого из нас есть такой огонек, который ведет нас вперед и хранит. Как интересно получается, я попробовал особенности всех фронтов... Здесь война похожа на войну на Кавказе, также идет она в лесах, по тропам и просекам, но здесь новый сюрприз – болота, за пять дней боев мы уже к нему привыкли. Земля эта красавица, в зеленых лесах, как ты, когда, помнишь, невестой была в лягушачьем платье? Чудные белые ночи, ни на миг не темнеет. Озера как драгоценные камни в зеленой оправе. За такую землю, нашенскую, русскую, мы воюем так, что финны бегут без сапог и шинелей, а то и без штанов. 21.6.44 мы форсировали Свири, она чище Кубани и такая же быстрая, финны укрепляли берега три года, а мы их опрокинули за несколько часов. Наш батальон был первым при форсировании. Я был комендантом переправы, а это важная шишка, девочка моя. В бою, конечно, в грязь лицом не ударил. Видно, ваша любовь сохранила меня.

Я цел и невредим. А сейчас мы гоним финнов денно и нощно, хоть они умеют воевать в лесах, но мы их бьем и очистим уже весь берег Свири. Целую. Часто думаю о тебе. Писать буду нерегулярно, сама понимаешь, леса, бездорожье, преследование, быт. Но думаю регулярно. Получила ли ты 300 рублей? В следующем месяце пришлю больше. Целую, Сева. Привет Марии Васильевне, Аве. Посылаю немного конвертов. 23.6.44.»

10 августа 1944 г. «Мы возвращаемся почти все с орденами, свою задачу выполнили с честью. Я, правда, приеду без ордена, т.к. еще нет приказа, но там на месте, очевидно, получу», – пишет В. А. жене, готовясь встретиться с неей в Москве: «Москва – город нашей любви, наших первых встреч, всегда будет для меня по тысячам причин тысячу раз дорог, на втором месте Краснодар, на третьем Киров. В отпуске поживем маленько и поедем делать большую неприятность Гитлеру. И так, как удрали от нас за полтора месяца на триста километров финны, до самой своей границы, так саданем мы и немцев, только уже на их земле. Вид у меня, к сожалению, вовсе неважный, болотный солдат (10.08.44).»

17 октября 1944 г. «Письма твои – аккумулятор тепла. Скоро станем с тобой Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной, но в XIX веке живут иначе, чем в XX. Можешь меня поздравить: 1 октября мне вручили орден «Красной звезды» за Карелию. Таким образом, ныне я орденоносец. Что еще новенького? Новая английская шинель, солдатская, новые сапоги, свое одеяло, подушка, матрац. А то был я человек – гимнастерка, брюки, сапоги, полевая сумка, плащ-палатка, что еще на фронте человеку надо? Оброс и задумался. 17.10.44.». Просит выслать бандеролью книги, что-нибудь философское.

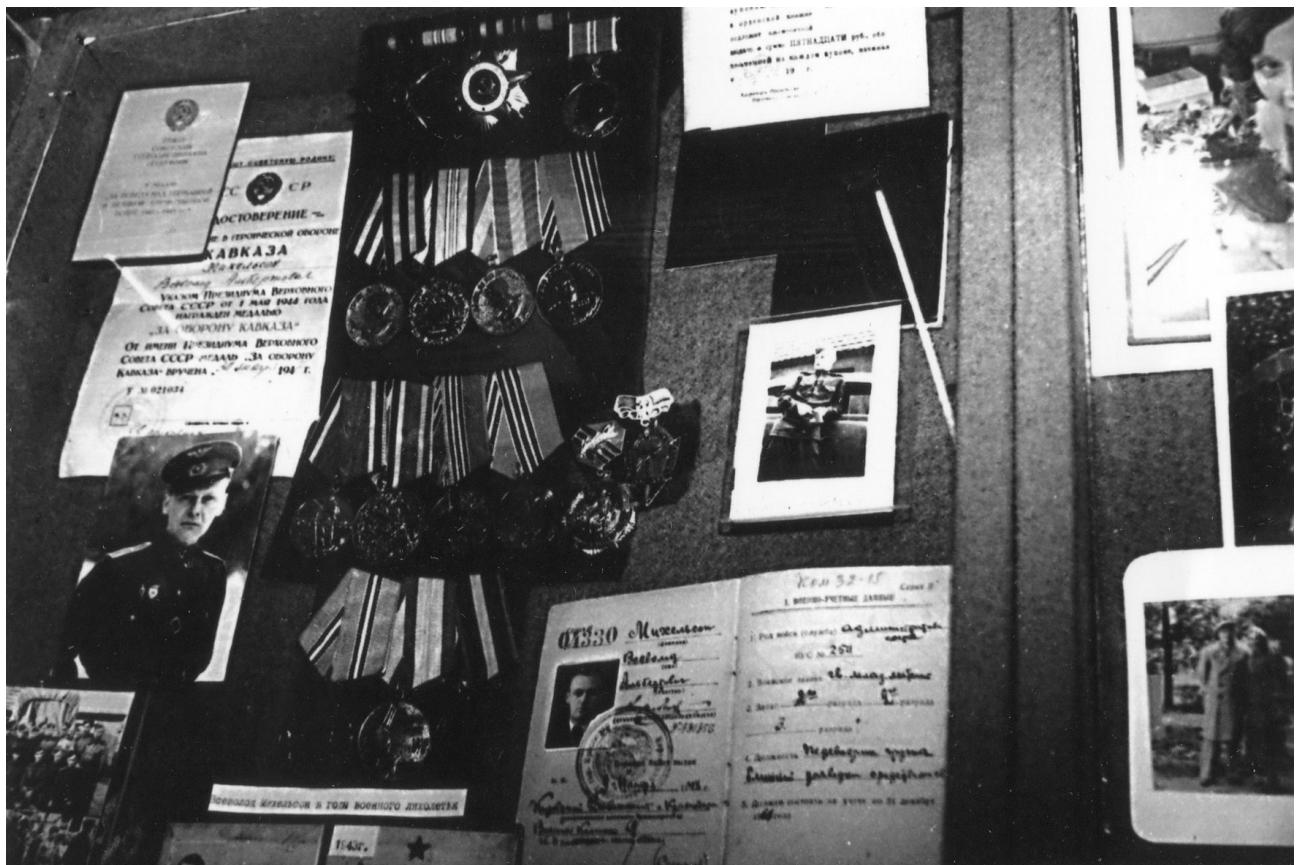
4 апреля 1945 г. Москва. «Круглик работает в Ленинской библиотеке. Много рассказывала о Краснодаре. У меня сложилось впечатление, что им там очень хорошо без меня.

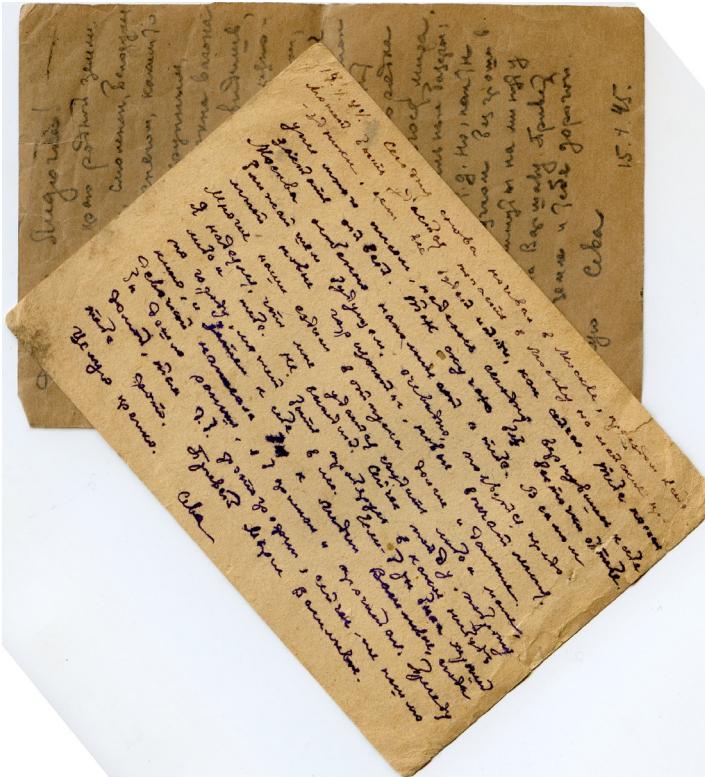
Просмотрел комплект «Большевика» за 1944 год в Ленинке. Эти идиоты из Краснодара отослали мой аттестат в часть. Теперь ищи-свиши. 4.3.45.»

1945 г. На учебе в Москве (без точной даты). «Дорогая Лидочка! Пишу из Москвы, сижу у Лидии Васильевны, приехал проветриться. В нашем лесу устаешь от однообразия, от дней одинаковых, как сосновые стволы, как котелки с пшенной кашей, со «строевой кашей», как говорят бойцы. Денек в Москве не мешает, хотя я никуда не попал: ни в театр, ни в кино, просто иной пейзаж развлекает. Профессия моя, как ты знаешь, фронтовая, и мне с нею в нашем тыловом лесу делать нечего. Скучаю. Думаю, проскучу не больше половины мая, ну сколько можно в самом деле? В Москве поражают взгляд новые «Люксы», давно не виданные витрины, на которых все богатства нашей земли: все это нужно для радости и веселья, для мира – окна в прошлое, в довоенное время. Столице нужны такие витрины, без них столица бедна, скромна, в шинели, а столица наша может позволить себе и шелковое платье надеть. Ну, короче говоря, смотрел я на витрины и думал о тебе, о том, что нужно тебе обя-

зательно чего-нибудь вкусненького послать. Впрочем, я пока еще и первой своей зарплаты, как у нас говорят, «денежного довольствия», не получил, пока рассчитывают, подсчитывают, надо набраться терпения. Но на днях, к Маю, получу. Пришли мне справку, что тебе можно посылать посылки, ты же обещала? Впрочем, как ты, наверное, представляешь, живой северный медведь, видно, дешевле «Мишкы в шоколаде». Пожалуй, экономнее послать тебе в посылке живого мишку. Не сердись на меня, золото, если чем-нибудь виноват, вычеркни недовольство из сердца, хотя бы потому, что скоро Севка уезжает на «суровый пир войны». Для меня Москва – музей твоего имени... Собственно за что воюем – за вас воюем. Целую, Сева (без даты)».

13 апреля 1945 г. «Лидочка! Доживаю в Москве последние часы: сегодня, 13.4 в 7.35, выезжаю. Еду до Варшавы вместе со Славкой. В силу его умения жить, едем варшавским вагоном, прямым, с плацкартами, в купе и даже за «купейность», изобрели же словечко, заплатили 30 рублей и за 3 рубля жизнь застраховали. Каково? Дешево и сердито. Все эти удовольствия без очереди, хлопот и т.д.

Под мощным Славкиным руководством были в Большом театре, вместе с орденоносной Клементиной и на Утесове – все это без денег и без билетов, а при помощи ловкости. Учусь. Постигаю. Вчера у Славы меня и его провожали – выпили на славу. До Варшавы путь ясен, а дальше черт ногу сломает. Кассирша пугается названия наших городов. Но мы-то сами не из очень пугливых. Выезжаю в Европу с полевой сумкой. Вот весь мой багаж. Чем не герой нашего времени? Целую Сева. 13.04.45.»

Всеволод Альбертович впоследствии будет изучать русский путевой очерк и защитит по этой теме докторскую диссертацию [4], а сейчас он в какой-то мере сам «русский путешественник» по военной Европе. Любопытны бытовые детали, его беглые зарисовки, например, вид из окна вагона.

15 апреля 1945 г. «Дорогая Лидок! Вот я и на краю родной земли. Брест, Москва, Смоленск, Белоруссия провожали нас снегом, каким-то особенно резвым и крупным. Здесь потеплее. Из окна вагона много интересного не увидишь, уже привычный военно-железнодорожный пейзаж: воронки, подорванные водокачки и битая техника, но наш мягкий вагон прямого

сообщения проходит здесь как символ порядка и прочно установившегося мира. На станциях изобильные базары, молоко, яйца и т. д. Но как ты знаешь, я еду без гроша в кармане. С минуту на минуту выезжаем на Варшаву. Привет родной земле и тебе, дорогой. Целую, Сева». 15.04.45.

Трогательный факт – описание пребывания одного дня в Варшаве, городе, где он когда-то родился:

16 апреля 1945 г. «Золотая моя, чем дальше от родной земли, тем дороже ты, русская весна, фиалки на Кубани, ручьи в Вятке. Сегодня, 16.04.45, я целый день в Варшаве. 13-го в 8 ч. вечера выехал из Москвы. 16 в 6 утра в Варшаве, в 10 ч. вечера выеду из Варшавы, в 3 ночи буду в Чехии, и дальше ... и, наконец, мой Лигниц... Как видишь, ж.д. работает блестяще, все в полном порядке. Что рассказать тебе о Польше? За Брестом началась польская земля, она сейчас небогата, нища. Железнодорожники в

кецках с крыльышками, народная милиция с бело-красной повязкой на рукаве. Много молодых мужчин, бездельничающих и штатских. 1 золотый равен 1 рублю. Белая булка (600 гр.) – 50 злотых. Бутылка ситро – 15 злотых. Папироска – золотый. Карандаш – 20 злотых. Газета – золотый. Польшу до Варшавы проехали ночью. В Варшаве тепло, какие-то местные цветы... Прага цела, оживлена, на расстоянии 3-х метров друг от друга стоят розничные торговцы, булки, бублики, папиросы, ситро, книги, мельочь всякая. Множество объявлений об обедах на дому, комнаты в наем, магазинчики с вином, колбасой и пр. Объявления о школе танго с партнером... Транспорта нет, к велосипеду прикреплен двуколка...».

Вот некоторые выдержки из его писем из Германии (из Силезии):

4 апреля 1945 г. «Лидочка! Сегодня я бумажный король! Живу в только что занятом складе канцелярских принадлежностей. Я в городе, на передовой. Жизнь здесь интересная игра в кошки-мышки с некой костлявой госпожой. Лабиринт развалин и пожарищ, в котором нужно жить, ходить, сутками сидеть в 50 метрах от недорезанных гадов и слушать, слушать, слушать. Везет мне на оригинальные профессии. Ну, кажется, я расхвастился. Сейчас

сидим в кварталах трех от противника в команде. Это наша база. Ребята натащили кроватей, одеял, простыней, посуды. Пьем молоко и едим вареное мясо с солью. Это быт. Все это оригинально, не то, что в окопе или землянке. Здесь солдаты сидят на окнах и постреливают. Но и здесь, на передовой, уже нет трофеев. Вот будем штурмовать город, тогда... Видишь, вот уже Берлин взят, война кончилась, а я все еще воюю. Но ты, Коша, не волнуйся, я солдат бывалый. У вас уже скоро весна, у нас сегодня первый теплый день... Сейчас буду ждать от тебя ответа. Пиши скорей, как можно скорей. Так жду от тебя письма. Хочу знать, что ты еще меня любишь, помнишь, ценишь. Хочу все это услышать еще раз от тебя. Чего у нас здесь много, это дурацких немецких карт, без шестерок, с нелепыми фигурами. Сейчас будем играть в дурака. Завтра будем целый день на задании. Со мной очень симпатичный парень, лейтенант Нижегородцев, сын какого-то медицинского профессора. Мы здесь с ним вдвоем слушаем, что бы фрицу на душу положить, сказать. Пока все. Целую. Сева. 4.IV.45. Германия.».

16 мая 1945 г. «Родная Лидочка! Не знаю, доберутся ли к тебе все мои письма из Германии, т. к. я посыпал некоторые в конвертах с цветной подклейкой, знаешь такие конверты «Люкс», но оказалось, что в конвертах такого типа отправлять корреспонденцию нельзя. И я боюсь, что ты до сих пор не получила от меня ни одного письма и не знаешь номера моей полевой почты. А, значит, и ты мне ничего не написала, и еще, м. б., с месяц я от тебя ничего не получу, а как я жду, если б ты знала, твоего письма. С января я от тебя имел пару открыток и один треугольничек. И еще хочу домой, домой. Домой! Хотя с некоторой опаской, неуверенно смотрю на свое будущее. Войду ли я сразу в ритм мирной жизни, сумею ли оставаться на высоте положения, нужен ли я и мой труд, сделаю ли что-либо действительно настоящее в области своей специальности? Прошло три года, многое забыто, от войны и стужи все мы хуже... Да и в Краснодаре вряд ли меня ждут и хотят, во всяком случае, многие боятся моего приезда. Куда, что и как – все еще для меня не ясно, м. б., потому-то я до сих пор ничего не предпринял в отноше-

нии демобилизации, а что-то надо делать, т. к. вообще-то никто обо мне не вспомнит, никто меня не отзовет. Пока сидим отдыхаем, бездельничаем, как на курорте. Вокруг сплошной цветник: сирень, каштаны, яблони и т.д., чудесный воздух, «питание» будь здоров, вина... матушки мои родные..! итальянские, французские, испанские, пьем ежедневно, как монахи в старом, добром бенедиктинском монастыре. В Бреслау я три дня пополз на брюхе под стенами у немцев, подслушивал их болтовню, потом мы вдвоем приняли тридцать тысячевеннопленных, а сейчас каждый день – выходной день. Одного боюсь, что б не перевели из армии куда-нибудь в комендатуру. Это будет плохой вариант. А вот если б с частью в ближайшее время уехать в Россию, это было бы неплохо. Сыт я заграницей уже по горло, или как говорят немцы, имею от нее «полный нос». Черт с ней, с этой «Помпей»! Не за фрау же в самом деле ухаживать? Хотя фрау остались одни, «манны» ихние в лагерях. Послал тебе 15. V. посылку, восемь килограммов, два дня зашивал только, какие муки принял? По-

что требует идеальной упаковки, а я, знаешь, какой портной? Пальцы иголками переколол, матерился, как морской волк, а швы смотрят один на север, другой на юг, один сантиметр длинный, другой в миллиметр, вообще, придет если, посмотришь. Еле уговорил принять, было б хорошо, если б дошла. Говорят, идут посылки месяцев пять, м. б., я раньше ее приеду. Ценного в посылке ничего нет. Довольно много шелкового полотна двух цветов: серого и белого в полоску, кое-какие зимние спортивные вещи, все это новое. Перчатки, сумочки, все только для тебя. Старого я не брал, брезговал. Мне кажется, ты будешь довольна, хотя я в этом отношении беднее всех, в силу моего характера. Есть еще кое-что на вторую посылку, но ничего особенного нет. Пожалуй, только фотоаппарат, часы – квадратный будильник, ручных не имею, опять-таки характер таков. Думаю, еще посылку отправить и с собой чемодан захватить. Денег еще не получал, т. к. до сих пор еще приказа нет. Получу, сейчас же переведу. Мечтаю о том, чтоб повторились в нашей жизни такие годы, как был сороковой, начало сорок первого. Не правда ли? Что нам еще надо? Целую. Буду писать часто. Сева. Германия. 16. V. 45.»

16 июня 1945 г. «Вчера получил первое письмо из России, и это было письмо не от тебя. Мне это показалось симптоматичным. Последнее время ты не торопишься с письмами, а начиная письмо, спешишь поставить подпись. Но, видно, скучающая открытка и та не была написана тобой. Что ж, благодарю. Солдаты отвоевали, моральные обязательства теперь уже не так тяжелы. Солдаты сделали свое дело – солдаты могут уйти. Мне кажется, я правильно передал здесь твое настроение. В самом деле сколько можно ждать? Когда вокруг столько примеров жизни в свое удовольствие, столько легких сердец, столько нетерпеливых подруг. А война кончается, и «жди меня» давно стала смешной песенкой, в моду вошли басни о бобрах и лисицах. Ты знаешь, дорогая, что я никогда и не хотел, чтоб ты была Донной Анной, тем более что на каждую Донну Анну найдется свой Дон Жуан, но я ведь еще весьма не каменный гость, а **по стечению обстоятельств еще пока жив**. И не думаю, что было б приятно для Донны Анны и Дон Жуана, если появится

вдруг гость из плоти, крови и костей во время свидания. А посему... Джентльменское письмо, вернее письмо леди, вежливо уведомляющее о создавшейся обстановке, гораздо умнее молчания и отписок... Люди, которые воевали и видели слишком много потерь, приобрели новые глаза и несколько иначе устроенную голову. Я видел и перенес слишком много потерю. Я, пожалуй, экранирован от чувствительности, самая страшная потеря может быть не так страшна. Но кто же хочет терять то, что было не так просто и легко найти. Есть, конечно, люди, которые могут начинать жить сначала, я не из их числа. Не знаю, когда я смогу читать, может быть, еще не скоро. Скоро ли горизонт окрасится в розовые и голубые цвета? Но в Россию я, может быть, приеду скоро. Очень хочется! Чрезвычайно! Страстно! Но... «Найду ль там прежние объятья? Старинный встречу ли привет?» Что тебе написать о Германии? Она мне не нравится. Знаешь, как кто-то написал на границе: «Вот она, проклятая!» Если свидимся, расскажу. Ну, а мы живем в деревне, тем более скучно. Работа есть и даже много, но то, что было во время войны важно, было делом спасения жизней, волновало, было сопряжено с опасностью, то теперь пресно. И ты знаешь, меня как-то вопрос о возвращении к мирному плугу не волнует. Волнуешь только ты, дорогая, твое молчание, твои чувства, твоя жизнь. Что мы здесь делаем: играем в волейбол, и я, пожалуй, уже восстановил свою игру, пьем и не воду, слушаем радио, ездим на мотоциклах и на велосипедах... На днях с триумфом сделал доклад о Лермонтове. Но такие ли триумфы я знал? И буду ли знать еще? Или все будет: «так точно», «слушаю», «виноват»? Написал в НКП, Круглик, подал рапорты, а что выйдет? Завтра иду на гарнизонную комиссию, но, кажется, я сейчас здоров. Послал тебе фото, отошлю еще. Побрился. Деньги еще не получил, летнего обмундирования тоже. Изнемогаю от жары. Посылку послал. Хотелось бы послать вторую, так как предпочитаю ездить налегке. ... Что ж ты молчишь? Неужто ж я прав? Право, не стоило тогда три года быть верной, чтоб на четвертом изменить? Ведь это было б смешно. Ну, пока. Вашу руку. Сева. Германия. 06. 06. 45.»

«Моя славная! Получил уже третье твое письмецо, ты стала писать чаще, и я доволен.

Болеть, да еще так, как в Краснодаре, запрещаю. Опять, наверно, переборщила со спортом? Простудилась, ведь весна была холодная.

Правда же, всем ты, матушка, хороша, только спорт тебя может погубить. А мы уж с тобой, вроде, на возрасте, шутить особенно не приходится. Я понимаю, как тебе хочется отдохнуть, как это только станет возможно, вообще намерен сделать тебя только домашней хозяйкой, хватит, поуправляла государством. Когда мужчины вернутся, в вашем брате уже не будет такой необходимости: ни в фрау-солдатах, ни в фрау-наркомах. И мы будем отдыхать. Хотя признаюсь, я в этой Силезии уже порядочно отдохнул и обленился. Но вот вопрос, когда отдых станет возможным для тебя? Это все еще остается большим, очень большим вопросом. Надеюсь, мне не нужно делать для тебя доклад о международном положении, ты сама мне дашь в этом отношении сто очков вперед. Ты хочешь быть солидной дамой, дорогая моя прелесть, конечно, конечно. Это обязательно так должно быть, чтоб ты была солидной да-

мой со всем, что к этому званию относится ... Я надеюсь скоро быть в России, но где и когда, не ведаю...»

28 июня 1945 г.

«Дорогая Лидочка! Ты пишешь, что посылаешь мне письма чуть ли не через день, я же получаю их редко. Очевидно, виной тому загруженность железных дорог... В Германии я был только в двух больших городах: в Бреслау и Герлице. Но вот на днях совершил поездочку — заглядение: был в Вене и Праге, сопровождал в поездку двух генералов. Правда, это все в три дня, с кинематографической быстротой, со скоростью в дороге 100 км. / в час. Вену мы осмотрели, побывали в Венском лесу, на богослужении в старинной кирхе св. Стефана, во Дворце Франца-Иосифа, объездил Ринг —

главную кольцевую улицу. Вена — красивый, старинный город. С узкими улицами и множеством переулочков. Масса мужчин ходят в кожаных трусах, масса женщин в штанах. Ночевали в отеле «Империал», где Вагнер писал свой «Тангейзер»: полы устланы бархатом, стены обиты шелком. На каждого жильца по две ванных и уборных. Венское метро ни в какое сравнение с московским не идет. Чехословакия живет полной жизнью, здесь меньше всего заметны следы войны. Народ очень красивый, спортивный. Повсюду на дорогах девушки-велосипедистки в трусах. Наши машины восторженно приветствовали. В деревнях повсюду на стенах портреты Сталина и Бенеша. Прага живет богато и оживленно. Очень хороша. Вообщем в Чехословакию я влюбился. В Праге всего 12 домов повреждены бомбажкой. Осмотреть Прагу детально помешал дождь, ливень...Хватило б у нас вина, съездили б в Будапешт, но

так как вино было на исходе, а без него скучно, от этой идеи отказались. В Вене я мог бы разбогатеть. Там ходят гитлеровские марки, у нас они валялись под ногами..., но никто этого не знал, и в Вене, и в Праге мы оказались без денег. Жаль. Многие здесь очень богатые, я нет. Ладно, заработкаем. В первую очередь демобилизации я не попадаю. От Круглик ни слова, хотя Лиля пишет, что она мое письмо получила. Мой рапорт здесь остался без последствий. Из НКП ни звука, но я все же думаю, долго в армии не пробуду, м.б., до конца 45 года. В августе думаю быть в России. Вообще мир как

будто приходит в порядок. Есть надежда на долгий мир. Следовательно, главное, конечно, быть здоровой. Думай об этом. Сегодня читаю лекцию о «Как закалялась сталь». А так играем в шахматы, в волейбол, ни о чем не думаем, ничего не читаем, слушаем радио только. Даже языком не занимаемся, поболтали с фрау и хватит. Целую. Скучаю. Остаюсь верным. Желаю тебе того же. Германия, Сева. 28.06. 45. Вот и лето проходит».

...Ветхие письма-треугольнички уже больше 70 лет хранят частицу души профессора В.А. Михельсона, его память о пережитом.

Использованная литература:

1. Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста. К 100-летию со дня рождения профессора В. А. Михельсона: кол. монография / под ред. Л. А. Степанова, Л. Н. Рягузовой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011.
2. Михельсон В. А. А. П. Чехов. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1960.
3. Михельсон В. А. Гуманизм И. А. Гончарова и колониальный вопрос. Краснодар: Краснодарский пед. инт., 1965.
4. Михельсон В. А. Русский путевой очерк XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1972.
5. Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1974.

References:

1. *Klassicheskoe nasledie russkoy literatury i sovremennost': kontseptsii, interpretatsii, opyty analiza teksta. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. A. Mikhel'sona* (The Classical Heritage of Russian Literature and Modernity: Concepts, Interpretation, Text Analysis Experiments. To the 100th anniversary of the Birth of Professor Vsevolod A. Michelson), Stepanova, L. A. and Ryaguzova, L. N., Eds., Krasnodar: Kubanskiy Gosudarstvenny Universitet, 2011.
2. *Mikhel'son, V. A. A. P. Chekhov* (Anton P. Chekhov), Krasnodar: Krasnodarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1960.
3. *Mikhel'son, V. A. Gumanizm I. A. Goncharova i kolonial'nyy vopros* (Ivan A. Goncharov's Humanism and the Colonial Question), Krasnodar: Krasnodarskiy Pedagogicheskiy Institut, 1965.
4. *Mikhel'son, V. A. Russkiy puteshestvie XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* (Russian Travel Essay of the 18th – the First Half of the 19th Century), *Extended Abstract of Doctoral (Philology) Dissertation*, Kiev, 1972.
5. *Mikhel'son, V. A. «Puteshestvie» v russkoy literature* (Traveling in the Russian Literature), Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo Universiteta, 1974.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рягузова, Л. Н. «По стечению обстоятельств еще пока жив»: фронтовые письма В. А. Михельсона [Текст] / Л. Н. Рягузова // Наследие веков. 2015. – № 1. – С. 17-30. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Ryaguzova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Ryaguzova, L. N. «Po stecheniyu obstoyatel'stv eshche poka zhiv»: frontovye pis'ma V. A. Mikhel'sona («Still Alive by Coincidence»: Vsevolod A. Mikhelson's Letters from the Front), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 1, pp. 17-30. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Ryaguzova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

